

ИВ ГЭНДОН

ЛОТОС, ВЫРОСШИЙ ИЗ ГРЯЗИ

«Лотос, выросший из грязи» — это название сборника новелл и репортажей французского прогрессивного писателя и журналиста Ива Гэндона о женщинах современного Востока. Мы публикуем здесь одну из новелл сборника — «Азра». В следующем номере журнала будет помещена другая новелла Гэндона — «Ее глаза».

АЗРА

Рисунки Е. Шуксва

ТО совсем простая история, и я хочу также просто рассказать ее, не украшая романтическим вымыслом, который может только все испортить.

События, о которых пойдет речь, произошли в Пакистане. Старая часть города Лахора, еще хранящая память о Великих Моголах, была местом действия, а героем событий выступил скромный кучер тонга¹, которого звали Шадид, что значит на урду «приносящий в жертву».

На первый взгляд, однако, бедняга Шадид казался совершенно неспособным принести в жертву какое-либо живое существо, и тем более человека. Сколько ему было лет? Сорок? Пятьдесят? Или больше? Вероятно, он сам этого не знал. Он выглядел так, словно существовал вне времени: бритый череп, изборожденное морщинами лицо цвета обожженной глины, худое тело, на котором болталась выцветшая от солнца рубашка и штаны, не знавшие стирки, наверное, со времен восстания сипаев. Трудно было представить себе его молодым, полным сил, и только взгляд его черных, как спелые оливы, глаз, наводил на мысль, что этот человек под жалкой оболочкой хранит чувства, способные перевернуть течение всей его жизни.

Я прибыл в Лахор вечером, измученный невыносимой жарой, которую принесли с собой муссоны. Вентилятор, усиленно крутившийся на потолке моего номера в гостинице «Фалетти», не приносил ни малейшей прохлады. Не спасал даже душ: вода была теплая, как летний дождь в наших широтах. Мне оставалось только искать спасения в баре, где

уже при входе плечи охватывала приятная свежесть кондиционированного воздуха. Это, однако, ненадолго облегчало положение, так как неизбежное виски-сода с кубиками льда в стаканах быстро устраняло разницу температур.

В Пакистане человек с Запада, вырванный из привычной обстановки, чувствует себя не в своей тарелке, поэтому приезжие здесь тянутся друг к другу и быстро становятся на короткую ногу. Для сближения с любым иностранцем достаточно хотя бы немного болтать по-английски. Менее чем через десять минут я уже оживленно беседовал с американцем по имени Билл Джеффри и японцем, на визитной карточке которого значилось: «Профессор Киничи Комада». Он преподавал педагогику в одном из японских университетов, тогда как янки занимался тем же почтенным делом в своей родной Аризоне. Оба они возвращались из Нью-Дели, где провели пять дней на международном конгрессе представителей своей специальности. Их сблизили общие взгляды на искусство и вопросы воспитания молодежи — оба были противниками телесных воздействий.

Должен вам признаться, что отнюдь не педагогика стала предметом нашего разговора. Оба мои собеседника, когда они отвлекались от своих чисто профессиональных тем, делали очень интересные компанейскими людьми. Ни тот, ни другой еще не были в Париже и потому немедленно обнаружили живой интерес к удовольствиям и развлечениям этого города, который был овеян в их глазах славой современного Вавилона. Я, со своей стороны, старался, чтобы быть приятным собеседником, поддерживать их в этом мнении, так как описание подлинного Парижа — достойного и трудолюбивого, несомнен-

¹ Тонга — наемный экипаж в Пакистане.

том, черт возьми! — вскричал Мобер. — Если ты не перестанешь, мы выйдем.

Кучер пробормотал на своем языке несколько фраз, в которых мне трижды послышалось слово «Азра».

— Что он сказал? — спросил я у бельгийца.

— Черт его знает, — ответил он. — Я ничего не понял из его варварского бормотания. Одно слово, правда, я разобрал, но лучше не буду его произносить. Позже я объясню вам, что оно значит.

Мы выехали на многолюдную улицу, почти целиком застроенную небольшими домиками, огни в которых были притушены. В окнах этих строений не было стекол, и вся жизнь там шла на виду у прохожих.

Я понял уже, куда нас завлек коварный фламандец. Здесь можно было купить не только мороженое, манго, жареную кукурузу или довольно увесистые лепешки, которые употребляют в Пакистане вместо хлеба. В этот час ночи здесь можно было не только побриться (я как сейчас вижу лавочку, в которой парикмахер брил сидящего перед ним на корточках клиента). Здесь, кроме всего прочего, торговали и женщинами.

— Ну, — произнес наш гид, — что вы скажете? Женщины из Лахора славятся на весь Пакистан своей красотой! В Карачи есть такой же квартал, но всех его обитательниц набирают отсюда.

Роковое слово «Карачи», конечно, не ускользнуло от ушей Шадида. Он резко ударил свою ло-

шадь, которая попыталась подпрыгнуть и чуть было не опрокинула повозку. Мобер рассердился.

— Проклятье! Ты нас убьешь! Предупреждаю тебя последний раз: если ты примешься за старое, мы найдем другого извозчика, не такого сумасшедшего, как ты.

Между тем японец, угнетенный открывшимся зрелищем, только и делал, что покачивал головой и непрерывно ахал, поднеся руку ко рту. Что до Джеффри, то я не могу сказать, что означали его непрерывные «Well»⁷ — восхищение или негодование.

— Вам не кажется что эти женщины весьма привлекательны? — вопрошал Мобер с видом победителя.

«Привлекательны» — это было, на мой взгляд, не то слово. Вид здешних женщин поражал каким-то дьявольским, греховным величием. Они восседали, открытые всем взорам, монументальные, как султаны из сказок «Тысячи и одной ночи», и неподвижные, как статуи. Все они были сильно накрашены: синеватые ресницы, кроваво-красные губы, удлинённые ногти в серебряном лаке. Руки и шея — в браслетах и колье. Я бы, пожалуй, согласился с Мобером, тем более что овал этих лиц был в общем правильным, а темные глаза манили чем-то загадочным. Но эта ужасающая неподвижность! Кажется, эти создания не принадлежат к человеческой породе. Может быть, их клиентам-мусульманам они нравились именно такими, словно пришедшими из сновидений, — именно такими, каких пророк обещал правоверным в их сладострастном раю.

Японец несколько раз провел платком по лбу.

— Ах, ах! — говорил он задыхаясь.

Янки ничем не выражал своих эмоций. Он желал только узнать, сколько же проституток насчитывается во всем квартале. Мобер пожал плечами.

— Я думаю, это неизвестно даже полиции. Во всяком случае клиентуры здесь хватает. Несмотря на изнуряющий климат, местные жители всегда готовы предаваться наслаждениям. Препятствием для них является только цена этого удовольствия: дамы строго придерживаются установленных ставок, а заработки здесь низкие, не разгуляешься.

Он вдруг спохватился.

— Я все это говорю с чужих слов. Как бы ни были соблазнительны девушки из Лахора, я слишком боюсь последствий. Гигиена в этой стране, несмотря на соблюдения ритуальных обрядов, совсем не в почете... Да и посещаю я этот квартал только во второй раз, и оба раза в компании. Явиться сюда одному или долго оставаться здесь рискованно. У меня такое впечатление, что к европейцам в этих местах относятся не слишком хорошо. Теперь, когда вы все видели, давайте вернемся. В квартале есть и другие улицы, но всюду в общем одно и то же.

Японец, который явно рассчитывал увидеть нечто другое, слабо кивнул головой. Янки, после того как узнал, что жертвы этой социальной язвы не поддаются учету и не могут быть рекомендованы в качестве объекта помощи, явно потерял к ним интерес. Он тоже наклонил голову.

— Развернемся, и в гостиницу, — распорядился Мобер.

Шахид свернул на боковую улицу, узенькую и вонючую. Неожиданно лошадь попала в лужу и обрызгала возницу грязью. Он обрушил на нее град ругательств и принялся гонять кнутом.

— Ты так ничего и не понял, — сказал Мобер и, обращаясь ко мне, добавил:

— Этот человек вне себя!

— Lazy! Lazy! — повторял Шахид.

Наконец мы выехали на небольшую площадь около мечети, где была стоянка тонга.

— Давай-ка напои ее, — сказал Мобер. — Может быть, у нее прибавится сил, а мы пока разомнем ноги.

Он вышел из повозки. Мы последовали за ним. Когда мы отошли на некоторое расстояние, Мобер заговорил:

— Теперь наконец я могу рассказать вам историю Шахида. Кучер тонга, от которого я ее слышал, говорил, что раньше это был чудесный человек — приветливый, работающий, обязательный. Вдруг у него умирает жена. Ее звали Нигхат, что значит на урду «цветок». Она была очень красива, и он ее страстно любил. Шахид остался вдовцом, целиком посвятил себя дочери по имени Азра — на урду это значит «дарящая». Она действительно подарила ему много радости.

Девочка унаследовала красоту своей матери, у нее был живой ум. Шахид послал ее в школу. Учение давалось ей легко, и отец в своих мечтах уже видел ее в университете. И вдруг в день своего семнадцатилетия она исчезла. Один красноречивый убедил ее, что для женщины красота важнее образования. Месяц спустя несчастный отец получил от нее письмо и узнал, что она торгует собой в Карачи. С тех пор он словно с ума сошел. Такой аккуратный раньше, он совершенно перестал следить за собой. Вы, конечно, обратили на это внимание. Мало того! Кучер рассказал мне, что раньше он очень заботился о своей лошади и был даже привязан к ней — случай сравнительно редкий в мусульманских странах, где обычно с животными обходятся довольно сурово. Может быть, сейчас для него эти два близкие ему существа — лошадь и дочь — как бы слились в один образ? Он называет свою лошадь Азра — вы слышали это — и нещадно ее бьет. Может, он и впрямь сходит с ума? Его состояние все время ухудшается, и нет никакой возможности образумить его — он одержимый.

Мы вернулись к тонга. Лошадь Шахида дождалась своей очереди у водооя. Вначале она понюхала черную поверхность воды, затем подняла голову, как бы борясь с искушением, и наконец наклонила шею и принялась пить, уже более не отрываясь. Вероятно, это было единственное удовольствие, которое разрешал ей хозяин.

— Теперь ты повезешь нас помедленней, — сказал Мобер Шахиду.

— Is gluttonous!⁸ — произнес Шахид, бросив на свою лошадь взгляд, полный ненависти.

Она уже кончила пить и ждала хозяина, покачиваясь на дрожащих ногах.

Мы вновь забрались на свои места и почти четверть часа Шахид воздерживался от применения кнута. Мы были уже не более как в ста метрах от гостиницы, когда его терпение кончилось. Кнут взвился в воздух, но Мобер вырвал его.

— Тебе повезло, мой милый, что мы почти приехали, — отчеканил он, — но я больше не позволю мучить животное. Оно же ни в чем не виновато!

Шахид что-то бормотал.

Огни гостиницы уже виднелись сквозь листву

⁷ Ну, так (англ.).

⁸ Она жадная (англ.).

деревьев. Мы вышли из повозки и стали расплачиваться. Поездка стоила восемь рупий, но Мобер нашел эту сумму слишком большой. Я заметил ему, что с каждого из нас приходится всего по две рупии и что лошадь, о судьбе которой он так печется, получит благодаря этому больше овса.

— Овса! — вскричал он. — Пусть меня повесят, если это бедное животное знает его вкус! Вам хочется быть добрым дедом-морозом?

Он сократил сумму, расплатился и, вернувшись к Шадиду, сказал:

— Постарайся пользоваться им в разумных пределах.

Шадид спрятал полученные деньги, крепче зажал кнут в руке и нанес сильнейший удар своей жертве.

— Какая жестокость! — возмутился Мобер. — С удовольствием дал бы тебе хорошего пинка! Можешь больше не рассчитывать на меня как на твоего клиента...

И он в гневе сжал кулаки, ибо события продолжали развиваться. После сильного удара лошадь вначале вскинула задние ноги, как бы собираясь взбрыкнуть, но силы оставили ее. По телу ее прошла волна дрожи, ноги подкосились, и она медленно опустилась на землю.

Американец, японец и я замерли. Бедное животное неподвижно лежало на боку. На губах его выступила беловатая пена.

— Вот так! — начал Мобер. — Можешь быть доволен. Она наконец издохла. Тебе остается теперь уморить голодом себя.

Со странным выражением смотрел Шадид на свою лошадь, распростертую на земле. Он ударил ее еще раз ногой и разразился ругательствами, среди которых часто слышалось слово «Азра». Не в силах больше наблюдать это отвратительное зрелище, я отвернулся и пошел к гостинице. Остальные последовали за мной.

* * *

Через три дня я уехал из Лахора, а месяца два спустя Мобер, которому я оставил свой адрес, прислал мне в Париж письмо. Он писал, что его пребывание в Пакистане подходит к концу, радовался отъезду «без видов на возвращение» и добавлял: «Вы, помните, наверное, нашу поездку в квартал публичных домов и случай с Шадидом, который тогда убил свою лошадь? Я по-прежнему часто вижу его. Он стал кули, причем берется переносить явно непосильные для него тяжести. Думаю, что долго он не протянет. Встречаясь с ним, я каждый раз упрекал его за жестокое обращение с животным, которое было ни в чем не виновато. И вы не можете себе представить, что он заявил мне во время нашей последней встречи.

— Замолчи наконец, собака! Тебе этого не понять. А я твердо знаю, что поступил как надо. Избивая лошадь, я как бы наказывал свою дочь, я хотел, чтобы эти побои свели и ее в могилу, чтобы она как можно скорее очутилась в аду. Аллах услышал меня. Вчера я узнал, что Азра умерла именно той смертью, которую я желал ей. Один мусульманин из Мултана⁹ заперся с ней в комнате и засек ее до смерти. Он дал клятву посвятить аллаху самую красивую проститутку в Карачи. Это была моя дочь. Мой позор смыт. Аллах велик!

Я не смог ему ничего ответить.

Сейчас я считаю дни до отъезда в Бельгию. Наконец я снова окажусь в своем домике, увижу мою собаку Блэка, кошку Бетси, которая подойдет ко мне, выгнув спину и мурлыча, и потрется о мои брюки. Я очень люблю животных».

Перевел с французского
Ю. Дементьев

⁹ В этом пакистанском городе происходят публичные самобичевания религиозного характера. Случается, что люди насмерть забивают себя.

